

Вопросы *Литературы*

13-й год издания

Ежемесячный журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1

Я Н В А Р Ь

М О С К В А

1969

Работа Н. Заболоцкого над переводом «Слова о полку Игореве»

Комментарии Д. Лихачева и Н. Степанова

Поэтическое переложение Н. Заболоцкого «Слова о полку Игореве» — одно из лучших в русской поэзии. Хотя поэтическая система «Слова» и поэтические системы XIX и XX веков совсем различны, есть тем не менее что-то общее между «Словом» и поэзией Н. Заболоцкого — особенно ранней. К числу этого общего принадлежит прежде всего восприятие природы как живой, трагической, в которой борются, с одной стороны, активные, добрые и, с другой — косные, злые силы. Человеческие действия слиты с действиями природы, а сами люди неразрывно связаны со стихиями, миром зверей, птиц, трав и деревьев. При всем том есть и существенные различия. Эти различия обостряют ощущение самобытности обеих систем: поэтической системы «Слова» и поэтической системы Н. Заболоцкого. И в этом особенный смысл стихотворного переложения Н. Заболоцкого. Изучая его, мы изучаем одновременно две противостоящие и две сближенные друг с другом поэтические системы.

Публикуемые материалы дают некоторое представление о работе Н. Заболоцкого над его стихотворным переложением «Слова о полку Игореве». Эта работа Н. Заболоцкого началась в 1938 году и закончилась в 1950 году.

Письма Н. Заболоцкого к Н. Степанову ценны своими свидетельствами о первом этапе работы поэта, когда он создавал первую, неопубликованную редакцию своего переложения, значительно отличающуюся от изданных. В 1946 году в журнале «Октябрь» (№ 10-11) была напечатана вторая редакция переложения, в основном (за исключением трех мест) повторенная в сборнике Н. Заболоцкого «Стихотворения» («Советский писатель», М. 1948). О работе над окончательной редакцией переложения свидетельствует переписка Н. Заболоцкого с Д. Лихачевым. Редакция эта создавалась в 1950 году для издания «Слова о полку Игореве» в «Школьной библиотеке» Детгиза (М. — Л. 1952; 2-е изд. —

М.—Л. 1954; 3-е изд.—М.—Л. 1961). В связи с тем, что работа В. Фаворского над гравюрами на дереве для этого издания затянулась, издание Детгиза увидело свет только в 1952 году, а раньше того эта окончательная редакция Николая Алексеевича была опубликована в издании «Слова» в серии «Литературные памятники» (М.—Л. 1950). Затем эта редакция была издана в Малой серии «Библиотеки поэта» (Л. 1950) и в Большой серии того же издания (Л. 1967).

В сборнике «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения» (под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого, М. 1961) составители почему-то вернулись к редакции, опубликованной в сборнике «Стихотворения» 1948 года.

Издание «Стихотворений и поэм» Н. Заболоцкого в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л. 1965) также, без объяснения причин, возвращается к варианту второй редакции переложения, опубликованного в сборнике «Стихотворения» 1948 года.

Здесь публикуется также статья Н. Заболоцкого «К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве». Статья эта не только свидетельствует о вдумчивом отношении Н. Заболоцкого к тексту «Слова», к его стихотворной природе, но представляет немалый самостоятельный научный интерес.

Д. Лихачев

ИЗ ПИСЕМ Н. ЗАБОЛОЦКОГО К Д. ЛИХАЧЕВУ

Переписка с Н. Заболоцким по поводу его переложения «Слова о полку Игореве» возникла у меня в связи с предложением Детгиза подготовить для «Школьной библиотеки» этого издательства «Слово о полку Игореве» с переводом Н. Заболоцкого и гравюрами В. Фаворского. Предстояла большая работа, так как и переложение Н. Заболоцкого нуждалось, по моему мнению, в некоторых доработках, и гравюры решено было делать заново. Решение сделать новые гравюры было вызвано тем, что текст «Слова» должен был печататься с левой стороны разворота, а перевод — с правой, с тем, чтобы каждой строке текста строго соответствовали строки прозаического перевода, который составлял я. В этих условиях иллюстрации должны были помещаться не на одной из страниц, а на развороте. Идея таких «широких» иллюстраций, охваты-

вающих единой композицией обе страницы разворота, захватила В. Фаворского, но работа над ними значительно задержала издание. Поэтому издание Детгиза увидело свет только в 1952 году, а двумя годами раньше с разрешения Н. Заболоцкого и Детгиза новая редакция переложения «Слова», возникшая под влиянием моих обращений к Н. Заболоцкому по поводу тех или иных мест его переложения, была напечатана в издании «Слова» в серии «Литературные памятники» (М.—Л. 1950) под редакцией В. Адриановой-Перетц.

Как комментарий к письмам Н. Заболоцкого ниже печатаются и некоторые из моих писем к нему, делающие понятными не только письма Н. Заболоцкого ко мне, но и мотивы отдельных переработок, которым он подверг свое переложение.

Д. Лихачев

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич!

Я очень ценю и люблю Ваши стихи, и поэтому мне было чрезвычайно приятно предложение Детгиза участвовать своими комментариями, статьей и прозаическим переводом в одном с Вами сборнике, посвященном «Слову о полку Игореве». Мы, в Ленинграде, давно уже предполагали включить Ваш перевод вместе с Майковским в другой сборник — для «взрослых» в серии «Литературные памятники», издаваемой под общей редакцией С. И. Вавилова (в этой серии вышли «Воинские повести древней Руси», Афанасий Никитин, выходит «Новость вр. лет», выйдет и «Слово»). На днях Вы получите об этом письмо от нашего редактора, члена-корр. Варвары Павловны Адриановой-Перетц. Надеюсь, что Вы нам не откажете.

Ваш перевод я ценю как *современное* поэтическое восприятие поэзии прошлого. Поэтому, конечно, к нему нельзя предъявлять требования «археологической» точности. Это произведение современное, это поэзия наша. Поэтический перевод в данном случае и может быть только таким: переводом поэтической системы прошлого в поэтическую систему настоящего. Вы поэтически откликнулись на поэзию прошлого. В Вашем переводе важна не только поэзия «Слова», но и поэзия Ваша собственная.

Я пишу это затем, чтобы Вы в дальнейшем не подумали, что я этого не понимаю. Трудность Вашего «перевода поэтических чувств» заключается в том, чтобы Ваше современное поэтическое восприятие «Слова» не диссонировало с поэзией самого «Слова». Тут должен быть какой-то «контрапункт». В основном в Вашем переводе это и достигнуто. *Он несомненно лучший из существующих, лучший своей поэтической силой.* Однако позвольте мне, как человеку, давно занимающемуся древней русской литературой и языком, сделать Вам некоторые мелкие замечания, которые в моем восприятии «Слова» отчасти диссонировают с Вашим переводом. Я буду краток, и Вы, пожалуйста, не принимайте эту краткость за грубость.

1. «Взрагивали струны и рыдали» — здесь больше от А. Григорьева и гитары, чем от Бояна и гуслей.
2. «Ратники исправные» — это скорее могло бы относиться к солдатам XVIII или XIX вв.
3. «Сами волком». Режет ухо единственное число.

4. «Вздрыгнул Игорь». Нервность ему была несвойственна. Он шел наперекор всему: наперекор знаменьям, приметам, предупреждениям природы, даже собственному разуму, который он подчинил своему мужеству.
5. «Князь воскликнул»: Игорь не восклицал. Его речь — типичный образец мужественного воинского древнерусского красноречия, которым князья «подавали дерзости своим воинам перед битвой или походом. Ср. знаменитые речи Святослава. В Игоре нет первности, в нем — дерзость.
6. «Не взирая боле на светило».
7. «Точно вести шлет о новом горе». Див божество восточных народов — он предупреждает свои страны, а не шлет им вести о новом горе (чьем?).
8. «Уж лиса». Ед. число? Ведь степи были наполнены зверьем.
9. «Табор дикий». Половцы были совсем не похожи на цыган.
10. «Стяги плещут». Загляните в мой «объяснит. перевод»¹. Может быть, найдете возможным исправить это место.
11. «Натянув попону между вьюков». Слишком конкретно. Делались эти перевозы иначе: инокходцы (чтобы не было качки) ставились гуськом (друг за другом) и между ними (между хвостом передней лошади и головой задней) помещались посылки на длинных жердях. Есть изображение такой перевозки в Радзв. летописи. Следовательно, не рисуйте здесь такой конкретной картины. Если уж добиваться зрительно четкого образа, тогда надо сделать это точно.
12. «Игорь... летит».
13. Венецианцы, греки, моравы поют славу Святославу в своих странах, а не на пиршестве в гриднице у Святослава, как представлялось многим. Дело в том, что обширные гридницы в XII веке использовались обычно как тюрьмы для массовых заключенных (если было много пленных). Кобык очутился не на пиру у Святослава, а в тюрьме. Упоминание же славы, которую поют тому или иному князю окружающие народы, — обычно в др. р. литературе (жизне Довмонта, Алекс. Невского, в летописи о Вл. Мономахе и т. д.). Народы эти поют славу в своих странах (ср. в том же «Слове» — девичьи поют на Дунае, готские девы на берегу синего моря).
14. «И собрал бояр он по уставу». Диссонанс с бытом XII в. Это скорее быт XVII в. Никаких придворных уставов не могло существовать. Это не в духе эпохи.
15. «Плыл мертвец». Дети заинтересуются — какой, откуда, зачем? Эта сильная деталь фантастична. Мне удалось истолковать это место проще и скромнее. Приведу Вам его в др. р. тексте: «Всю ночь съ вечера бусови (серые) врани възраиху у Пльсьньска (местность под стенами Киева), на болои (в предградьи) бѣша дѣбрь княия (киевские леса, о которых часто упоминается в летописи), и весоная (серые вороны, о которых было выше) к синему морю».
16. «Два багряных солида отсверкали». Что-то режет мне мой «древнерусский слух» это «отсверкали». Не знаю почему.
17. «И, как барсы». Нельзя ли оставить пардусов? Ведь это совсем другая порода зверей. См. в т. VI «Трудов Отдела древнерусской литературы» интереснейшую статью, по-своему поэтическую, зоолога проф. Шарлемани.
18. «Ночь кругом и крови по колению»?

¹ Имеется в виду «Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» Д. Лихачева, рукопись которого находилась к тому времени уже в Детгизе (см. в издании Детгиза, 1952).

19. «Обращая вежи в пепелище». Этого нельзя сделать. Вежи — это шатры на телегах (кстати: с вытяжными трубами, загнутыми как шеи у лебедей) или юрты. Пепелище же может быть только на месте постоянного поселения.
20. «Шинакамл». Шинак нечто позднейшее. Шлем — другое.
21. «Дверь Дуная». Правильнее «дверь Дунаю» — от Дуная.
22. «Вей его, поганого, как встарь». Сейчас же возникает вопрос: когда Ярослав был еще Кончака? Этого же не было.
23. «Наследственный шелом». Это что-то слишком непохоже на быт XII в. Непременно уберите.
24. «Снопы кладут на риге». Слишком натуралистично.
25. «Он клюкой согнулся над концем». Этот образ рожден недоразумением. «Клюка» по др. русски только хитрость и никогда не клюшка. См. мой объяснительный перевод. Всеслав в 1068 г. пришел к власти в Киеве, воспользовавшись восставшим киевляни против Изяслава. Киевляне потребовали у Изяслава коней и оружия, чтобы защищаться от половцев. На это-то требование коней хитро и оперся Всеслав, чтобы прийти к власти самому.
26. Старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским — так часто он ходил в походы, а не потому, что он был смертен, как и все.

Наконец, возвращаюсь к самому началу. Отношение автора «Слова» к Бояну походит на отношение Пушкина, например, к Державину: велик, но устарел, слишком высокопарен, слишком льстив и придворен. Сам Пушкин в своих материалах к переводу «Слова» это отлично понял. Я не могу Вам сейчас привести точных цитат, но Пушкин писал, что автор «Слова» отказывается следовать высокопарной манере Бояна и считает ее устарелой. Соответственно он переводил и первую фразу «Слова». Он считал, что частица «ли» употреблена в этой первой фразе в утвердительном смысле. Я думаю, что Пушкин безусловно прав. Он поэтически почувствовал то, чего не почувствовали все ученые педанты до и после него. Я понимаю Бояна и обращение к Бояну вначале так, как это делал Пушкин, вернее — вслед за ним развиваю его мысль. Согласитесь ли Вы в этом месте с моим объяснительным переводом? А может быть, я и сам ученый педант.

Вообще все то, что я Вам здесь пишу, я пишу только потому, что, как мне сообщили из Детгиза, Вы продолжаете работать над переводом. Если мои замечания противоречат Вашему восприятию «Слова», если они вызваны не случайными оборотами Вашей поэтической мысли и органически Вам противоречат, то и отбросьте их. Ваш перевод и без исправлений хорош.

Крепко жму Вашу руку. От всей души желаю Вам дальнейших поэтических успехов. Кроме сборника стихов, вышедшего в прошлом году, было ли у Вас еще что-либо напечатано в 1949 г.? Вас любят.

Д. Лихачев

Уважаемый Николай Алексеевич!

Я получил и прочитал Ваш перевод. Мнение мое о Вашем переводе Вы знаете; никаких дополнительных замечаний у меня нет. Сегодня же отсылаю его в Детгиз А. А. Титову¹.

Ваши исправления мне понравились тем особенно, что они нейтральны: не идут за мной и не противоречат мне. Если бы удалось Вам сделать нечто подобное и вначале, то было бы совсем хорошо. Ведь Вы пишете:

Чтоб стариной речью рассказать,—

а ниже четырьмя строками:

Не гоняясь мыслью за Бояном.

Но «старинная речь» и есть речь Бояна! Вы не находите?

В будущем (51) году я, возможно, буду составлять выпуск «Древнерусская поэзия» для Большой серии «Библиотеки поэта». Вы не будете возражать против включения Вашего перевода «Слова» и туда?² Если Вы надумаете перевести еще что-либо из древнерусского, то имейте в виду, что мне понадобился бы Ваш перевод «Повести о разорении Рязани Батыем» или хотя бы эпизода в ней с Евпатием Коловратом (это могло бы пригодиться и для школы, где Повесть эту проходят в 6 классе); нужно было бы поэтическое переложение «Задонщины» (ту и другую вещь по текстам, изданным в сборнике «Воинская повесть древней Руси», серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л. 1949) и «Слово о погибели Русской земли». Может быть, нужна была бы еще и чудная летописная заметка с характеристикой Романа Галицкого, хана Отрока и с рассказом истории о траве евшан (Ипатьевская летопись под 1201 годом). Выпуск этот «Библиотеки поэта» значится в плане издательства «Советский писатель» на 1951 г. (вернее, в плане Большой серии «Библиотеки поэта»), но реально это предприятие или нет — говорить пока еще рано.

Продолжает меня несколько смущать место — «уж лиса». Конечно, ед. ч. в народной речи часто употребляется вм. мн. ч., а все-таки слух с этим не мирится — в Вашем переводе...

Уважающий Вас Д. Лихачев

¹ А. А. Титов — редактор Детгиза, много сделавший для выхода в свет этого издания.

² Выпуск Большой серии «Библиотеки поэта», о которой идет речь, составлял Л. Дмитриев (Л. 1952). Из перевода Н. Заболоцкого в него вошел лишь «Цлач Ярославны». В следующем, 1953 году под редакцией Д. Лихачева в третьем издании Малой серии вышло «Слово о полку Игореве». В этом издании перевод Н. Заболоцкого был помещен полностью.

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич!

Не стану продолжать спора по поводу Бояна. Вы аргументируете чувством эпохи. У меня чувство эпохи несколько иное. Мне кажется, что усиленная оглядка на прошлое воспиталась в XIV—XVI вв., когда волей-неволей приходилось постоянно обращаться ко временам независимости Руси (об этом я писал в книжечке «Русская культура эпохи образования русского национального государства»; простите, переврал заглавие: «Культура Руси э. обр. р. нац. г-ва»). В XI—XII вв. этой постоянной оглядки не было (ср. драматическую картину срытия в Киеве старых языческих могильников, вскрытую археологическими изысканиями М. К. Каргера; уничтожение культа предков — язычество было очень прочным даже еще в XIV в., и т. п.). Об этом мы как-нибудь поговорим. Нельзя Киевскую Русь представлять себе по Московской. Различие было чрезвычайным.

«Серые вороны». Следует: не «серые вóроны», а «серые ворóны»! Об этом обо всем посмотрите интереснейшую статью проф. зоологии Н. В. Шарлеманя в VI т. «Грудов Отдела др. русской литературы». Шарлемань тоже своего рода поэт — человек, прекрасно знающий и чувствующий природу. Статья его Вам многое даст.

«Стаи лис». Лисицы не ходят стаями. Лиса — хитрая, а хитрецы всегда индивидуалисты. (Объяснение это мое, а факт принадлежит природе.)

«Бусови» или «бѣсови». Народная психология вплоть до XX в. игнорировала «бесов», предпочитая им демонов, леших, рожаниц и т. д., и т. п. «Бесы» принадлежат монашескому мироощущению. Они законны в Киево-Печерском патерике, но не в глубоко народном произведении — в «Слове». Христианский Бог входит легко в народное сознание, он есть и в «Слове». Бесы вытесняют «низшую мифологию» с гораздо большим трудом. Вспомните: бесы до XX в. были достоинством монахов, духовенства вообще и... интеллигенции (от Достоев-

ского до И. Ключева). «Слово» же тесно связано с язычеством. Бесы в нем невероятны! Их профессора выдумали.

«Время Бусово». В памяти народа вполне могли сохраняться события IV в. Ведь поют же в Карелии (в XIX в.) о далеком южном князе Владимире (дистанция в IX веков). Почему же в XII в. не могли петь о Бусе (дистанция в VIII веков)? Ведь помнили же в Киеве о Кие, а о Кие рассказывал еще армянский историк Зенов Глак в VII в.

Ну, это все мелочи.

На днях буду заключать договор с «Библиотекой поэта» на спец. выпуск Большой серии, посвященный др. русской поэзии. Предварительно говорил о Вас. Ваш перевод «Слова» пойдет наверное, но мне бы очень хотелось и других Ваших переводов. Издательство заключит с Вами договор, если Вы согласны. Посмотрите, пожалуйста, «Воинские повести древней Руси» (Серия «Памятники литературы», Изд. АН СССР, М.—Л. 1949) — не вдохновит ли Вас «Повесть о разорении Рязани Батыем» (или хоть часть ее — с Евлатием Коловратом), «Задолщина» в интерпретации В. П. Адриановой-Перетц (текст там реконструированный) и Поэтическая повесть об Азове. Может быть, заглянете и в «Слово о погибели Русской земли»? «Воинские повести» в Ленинграде уже разошлись, и я, к сожалению, не могу Вам прислать авторского экземпляра.

С искренним уважением и приветом

Д. Лихачев

1. III. 50.

Статья Н. Заболоцкого — это не только свидетельство о том, как понималось «Слово» большим советским поэтом, но она имеет и самостоятельное научное значение. Так, представляют существенный интерес его соображения об отношении автора к поэзии своего предшественника — Бояна. Это отношение трактуется в научной литературе по-разному: и как отношение враждебное, и как прощеское, и как смешанное отношение уважения с отрицанием самой манеры

Бояна и т. д. Точка зрения Николая Алексеевича оригинальна и интересна. Но особенный интерес имеют соображения поэта об организации ритмической структуры «Слова». К приводимым Н. Заболоцким выдержкам из работ лингвистов, указывающих на роль в древнем ценни так называемого «раздельноречия», явившегося результатом старинного полногласия звуков Ъ и Ы, можно было бы сейчас прибавить и интереснейшие материалы, опубликованные в книге Б. Успенского «Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)», Изд. МГУ, М. 1968.

Д. Лисачев
